

Сириус прислушивался с минуту и был вынужден признать: она права во всём.

Он вдруг почувствовал, как тяжесть в груди немного отпустила. Не из-за группы, а из-за неё — она учила его слушать.

Не «ты в порядке?», не «что с тобой?», а «слушай».

Она мягко вытягивала его внимание из того шума, что творился в голове, вытягивала на сцену, в этот самый момент.

Просто прямо сейчас прочувствовать этот момент.

Началось выступление.

Ударные громыкнули, отдаваясь не в ушах — в груди. Удар за ударом, от их вибрации ребра едва заметно подрагивали.

Из колонок сорвался гитарный звук — резкий, шершавый, с искажённым гулом, похожий на чей-то крик. Разобрать слова было невозможно, но от него безумно хотелось орать вместе со всеми.

Всё пространство заполнилось до отказа — не осталось ни единой щели для того беспорядка, что роился в голове.

Сириус стоял там, а его грудную клетку переполняла эта дрожь.

Ему вдруг показалось, что в том комке, застрявшем у него в груди, пробились трещина. Небольшая, но дышать стало можно.

Толпа сплошным потоком подалась вперед, кто-то сильно толкнул Кроллу, и она качнулась на полшага вперед.

Рука Сириуса взметнулась сама собой, инстинктивно желая её поддержать, пальцы замерли в воздухе, сжались в полукулак, но он всё же на полпути опустил руку обратно.

Кролла выровновесилась и искоса взглянула на него.

Он уже сунул руки в карманы брюк, с самым невозмутимым видом уставившись на сцену, изо всех сил стараясь сохранять безмятежный вид, но алые кончики ушей выдавали его смятение с головой.

Она подавила лёгкую улыбку, зарождавшуюся в глубине души, и снова повернулась к сцене.

Вот только заметила, что этот самый невозмутимый тип переступил так, чтобы прикрывать её со слепой зоны, а его левая рука незримым бастионом ограждала её сбоку. Он не касался её по-настоящему, но это ощущалось как высокая, надёжная и несокрушимая преграда.

Кролла скользнула взглядом по этой руке, но ничего не сказала.

Бас на сцене продолжал вибрировать, барабаны били в грудь. Она чуть опустила глаза, и уголки её губ едва заметно изогнулись.

Сириус смотрел прямо перед собой, уши по-прежнему горели, а рука, ограждавшая её сбоку, так и не сдвинулась с места.

В перерыве между песнями, за те считанные секунды, когда свет резко погас и тут же зажегся вновь, она отчётливо почувствовала его взгляд на своём профиле.

Это было вовсе не липкое, навязчивое глазение — лёгкое, словно подувший ветер с ароматом сосновой хвои.

Она уже привыкла к этому.

Но сегодня в этом взгляде словно появилось что-то ещё, чего она не могла подобрать в словах.

Она не повернула головы. Голос её звучал очень тихо, настолько тихо, что услышать мог только он:

— Сириус.

Всего три слога. Не «эй», не «ты», а «Сириус».

Когда её губы произносили это имя, гласные звучали открыто, а согласные — мягко.

«Си» звучало словно ветер, пролетающий сквозь сосновые иглы, «ри» — как журчание ручья по камням, а «ус» растворялся, словно тихий вздох.

Он замер.

А затем почувствовал, как его спину кто-то легко подтолкнул.

Это было невозможно уловить. Сила этого прикосновения балансировала где-то на грань между «оно было» и «этого не существовало».

Между «это действительно произошло» и «наверное, мне просто показалось».

Все звуки, свет и толпа растворились в те полсекунды.

Осталась лишь одна точка на спине — точка, к которой прикасались её пальцы.

Эта точка горела, эта точка пылала, эта точка походила на звезду.

А она ни о чём не догадывалась.

Его сердце колотилось как безумное. Так быстро, что, казалось, она непременно должна это услышать.

Этот стук был вовсе не обычным тук-тук-тук, а сплошным тук-тук-тук-тук-тук-тук.

Он чувствовал, что пропал. Ради Мерлиновых панталон, Сириус понимал, что он и впрямь... влип.

А затем она произнесла то, что Сириус счёл самым прекрасным звуком на свете.

— Почувствуй, — тихо сказала она.

Её голос словно сорвал повязку с его глаз.

— То, что находится за пределами этого мира.

Он ничего не ответил. Она тоже не стала ничего объяснять.

На сцене группа заиграла другую песню, басовая линия низко разлилась в воздухе, напоминая глубокий вдох.

— Вдох... выдох...

Спустя несколько секунд он медленно отвел прилипший к её лицу взгляд и повернулся к сцене.

Но она знала, что он слушает. Слушает не музыку — слушает то, что она сказала, слушает её

призыв ощутить этот мир.

Концерт подошёл к концу, и они плечом к плечу вышли из зала.

На удивление, вечерний лондонский воздух был необычайно приятным, а на улицах толпилось много народа.

Сириус просто молча шёл рядом с ней, время от времени их руки случайно касались друг друга, но никто из них не отстранялся.

Дойдя до знакомого перекрестка, Кролла остановилась.

— Сегодня было неплохо, — произнесла она.

— Угу, — его голос звучал намного тише, чем по дороге сюда, а в тоне пробились мягкость.

Не дежурное «всё хорошо», а самое настоящее: «стало чуть лучше».

Она сделала несколько шагов, но вдруг обернулась и окликнула его:

— Сириус.

Он поднял голову. Лунный свет пал на её лицо, и она едва заметно улыбнулась ему.

— В следующий раз можешь не говорить мне «у меня есть лишний билет», — сказала она. — Просто спрашивай напрямую.

Сириус остолбенел.

— И ещё...

Она помедлила, словно обдумывая, как лучше выразиться.

— В следующий раз, когда настроение будет паршивым, — тихо добавила она, — можешь тоже приходить послушать бас.

— Какой бас? — спросил он.

— Любой, — она улыбнулась, склонила голову набок и подмигнула ему. — Мой тоже сойдёт.

С этими словами она повернулась и скрылась в проходе переулка.

Сириус так и стоял на месте, провожая взглядом её силуэт, исчезающий за кованой решеткой.

Рука застряла в кармане, а подушечки пальцев гладили билет — его уголки уже слегка замялись от постоянного тербления.

Она сказала «в следующий раз». Она сказала «просто спрашивай напрямую». Она сказала «когда настроение будет паршивым, можешь тоже приходить послушать бас. Мой тоже сойдёт».

Она сказала «почувствуй. Почувствуй то, что за пределами этого мира».

Он не до конца всё понял, но знал точно: она не читала ему лекций, она приглашала его, она успокаивала его, ей было не всё равно, что у него на душе.

Он простоял на перекрестке долгие минуты и в конце концов не выдержал — тихонько усмехнулся.

Будь здесь Кикимер, он бы непременно прошамкал своим зловещим голосом: «Предатель ухмыляется так мерзко».

Но Кикимера рядом не было.

Кто такой Блек — знать не знал, что такое чистая кровь — понятия не имел.

Только вечерний ветерок, только уличный фонарь да замусоленный до мягкости билет в кармане.

Он бережно сложил билет и спрятал его в самый потайной уголок кармана.

По правде говоря, Сириус никогда в жизни ни о чём так трепетно не заботился. На вещи семейства Блек ему было плевать с высокой колокольни.

Свои собственные вещи — потерял и чёрт с ними. Но этот билет был другим. Он не мог толком объяснить, в чём разница, но она была!

Его мир сегодня прикоснулся к чему-то новому, к чему-то столь же радостному, как время, проведённое с Джеймсом.

Джеймс был первым человеком, заставившим его подумать, что «жить в общем-то неплохо» —

он не был членом семьи, но стал ближе, чем родня.

Он смеялся на диване в доме Поттеров, бесился, швырял диванные подушки прямо в лицо Джеймсу. В те моменты он чувствовал себя просто человеком, а не старшим сыном рода Блек, не предателем чистой крови и не каким-нибудь «непутёвым отпрыском».

Просто Сириусом.

Но сегодня.

Он вдруг осознал: оказывается, на свете есть и другое чувство, такое же прекрасное, как времяпрепровождение с Джеймсом.

Не «такое же», а совсем другое. Не передать словами, но чертовски хорошее.

Шаги его стали легче обычного, а губы всё ещё трогала улыбка. Да и плевать, всё равно никто не видит.

Ветер ворвался с улицы, и в лондонском небе по-прежнему не было ни единой звезды.

Но ему вдруг показалось, что сегодняшние тучи висят уже не так низко.

<http://bllate.org/book/22381/2348033>